

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Анализируются социокультурные условия, научно-познавательные возможности криминалистики, складывавшиеся концептуальные подходы, направленные на повышение качества расследования преступлений и профессионализма следователей. Исторический аспект становления и развития криминалистических представлений раскрыт начиная с криминалистики советского периода. Многие вопросы, рассматриваемые автором, носят ярко выраженный дискуссионный характер.

Ключевые слова: криминалистика; следственная деятельность; опыт и практика.

Переход криминалистики в 1917 г. в иное социально-историческое пространство инспирировал ряд значимых для развития научно-криминалистического знания следствий. Радикальное изменение научно-мировоззренческой парадигмы, культурная революция, изменение самой идеологии права и законодательства в области уголовного судопроизводства, предварительного расследования преступлений инспирировали массу проблемных вопросов научно-познавательного и практического характера. Само историческое время поставило криминалистов перед вопросом: с чего начать обновление и развитие советской криминалистики?

В этой переходной для науки ситуации криминалистами решалась предельно масштабная и сложная в интеллектуальном плане задача – *адаптация* доставшейся в наследство науки к новым социально-историческим реалиям, радикально изменившимся социально-правовым, научно-мировоззренческим, научно-познавательным ценностям и приоритетам. В социально-историческом плане этот период времени характеризуется уничтожением прежнего уголовного судопроизводства и предварительного расследования, отсутствием надлежаще подготовленных кадров следователей, сопровождается привлечением на следственные должности людей малообразованных, не имеющих опыта следственной работы. Низкий профессионализм следственных кадров существенно сказывался на качестве расследования преступлений. Поэтому так остро стояла задача адаптации прежних и разрабатываемых научно-криминалистических знаний к *интеллектуальным* возможностям следователей. От оптимальности ее разрешения напрямую зависели качество расследования, повышение уровня профессиональной подготовки следователей к следственной работе. Адекватное удовлетворение данной особенности воспринималось криминалистами как социальный заказ.

Деятельность криминалистов в этом направлении есть приметный этап научно-рационального и рационально-практического развития научно-криминалистических знаний. Методологическим ключом понимания его существа является масштабное упрощение криминалистических знаний. *Упрощение* в значительной мере определяло научную проблематику, глубину научных суждений, стиль подачи материала, характер криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений. Не случайно Р.С. Белкин расценил данный методологический этап в становлении и развитии криминалистики как примитивный. *Адаптация* научно-криминалистических знаний, адекватных интеллекту-

альным возможностям следователя, есть характерная черта становящейся криминалистики.

Особое внимание криминалистов к уровню готовности следователей к следственной работе и формирования у них необходимых знаний было обусловлено отсутствием у действующего состава следователей юридического образования и опыта следственной работы. Как отмечал В.И. Громов, «в условиях советского строительства классовые интересы рабоче-крестьянского государства требуют, чтобы к работе в эти органы привлекались прежде всего рабочие и крестьяне, которые, однако, часто являются малоподготовленными к такой трудной и ответственной работе. Ни для кого не секрет, что качественный состав наших работников милиции и уголовного розыска пока является недостаточно квалифицированным. Призванные от плуга и станка и допущенные к этой работе в качестве добровольцев или выдвиженцев, эти работники, хотя большею частью политически грамотные и с достаточно крепкой подготовкой в области марксизма и ленинизма, однако, обнаруживают большие проблемы в знании техники расследования, не говоря уже о крайне слабой юридической подготовленности к работе. Все это вместе взятое создает для этих работников, в процессе их работ в органах дознания, чрезвычайные трудности» [1. С. 4].

В других работах данного периода с сожалением констатировалось, что расследование уголовных дел сопровождается массой ненужной, бесполезной работы. Ведение следствия осуществлялось нередко из любопытства или пополнения отчетности [2. С. 94].

«Сплошь да рядом, – отмечают С.А. Голунский и Г.К. Рогинский, – имеют место случаи, когда следователь, вместо того чтобы самому руководить расследованием, или растерянно мечется из стороны в сторону, или, что еще хуже, позволяет руководить собой потерпевшему, представителям разных местных организаций и т.п.» [3. С. 12].

В связи с низким качеством расследования 40% уголовных дел прекращалось судами, благополучно пройдя через руки следователей и прокуроров [4. С. 87].

В результате проводимой кадровой политики качество расследования уголовных дел было крайне низким. В обращении Генерального прокурора Союза ССР к следователям и районным прокурорам в 1948 г. подчеркивалось, что «Первоочередной задачей следователя и прокурора является сейчас неослабная борьба за улучшение качества следствия. Несмотря на ряд проведенных мер, качество следствия до сих пор не находится на должной высоте.

Все еще значительно количество дел, возвращенных судами к доследованию. Нередки до сих пор случаи, когда суд лишен возможности разрешить поступившее уголовное дело и вынести приговор только потому, что следователь ограничился недопустимо поверхностным выяснением обстоятельств дела или пренебрег соблюдением важнейших требований процессуального закона, а наблюдающий прокурор прошел мимо этих нарушений. В результате – суды вынуждены возвращать подобные дела к доследованию.

Далеко еще не изжиты нарушения установленных законом сроков расследования. Нарушения сроков расследования зачастую допускаются даже по тем делам, где мерой пресечения к обвиняемым избрано содержание под стражей. Плохое качество следствия, вызывающее необходимость возвращения судами дел к доследованию, служит одной из причин нарушений сроков следствия. ...Волокита неизбежно приводит к снижению качества проведенного следствия» [5. С. 329].

Криминалисты, понимая весь драматизм ситуации, пытались высказать тревогу в своих публикациях. Так, Г. Александров в одной из своих статей, опубликованной в начале 1950-х гг., с горечью писал: «Следственный аппарат осуществляет важную задачу, возложенную на советскую прокуратуру, – борьбу с преступностью. Все это свидетельствует о необходимости уделять особое внимание изучению, подготовке, неуклонному совершенствованию и воспитанию кадров советских следователей. В этой работе до сих пор имеют место серьезные недостатки» [6. С. 12].

А.М. Ларин, обрисовывая ситуацию с кадрами следователей, писал: «Значительные трудности с внедрением в практику криминалистических рекомендаций обнаружались в послевоенные годы у органов прокуратуры. Следователей, прокуроров с высшим юридическим образованием тогда было мало. Преобладали сотрудники, окончившие среднюю юридическую школу либо краткосрочные (3–6-месячные) курсы, а то и самоучки с неоконченным средним образованием» [7. С. 18].

Положение продолжало оставаться тяжелым и в 1960-е гг. Так, в частности, В.Н. Кудрявцев отмечал, что «...некоторые обзоры причин преступности составляются в практических органах суда и прокуратуры кустарно, без соблюдения элементарных требований судебной статистики» [8. С. 18].

Тотально низкий образовательный уровень следователей, отсутствие профессионального опыта, невозможность рекомендовать следователям для изучения буржуазную криминалистику служили ориентирами, недвусмысленно указывавшими на то, каким требованиям должны соответствовать криминалистические знания, чтобы быть востребованными следователями, а главное – правильно понятыми.

Для криминалистов в данных условиях единственно возможным выходом из сложившейся ситуации мог быть только один путь – обращение к текущей практике расследования преступлений и следственному опыту. Только поняв, как работает малообразованный, не имеющий опыта следственной работы следователь, выявляя и сопоставляя ошибки и удачные находки, можно было говорить о разработке адекватных его интеллектуальным возможностям научно-криминалисти-

ческих знаний и тем самым повышать профессиональный уровень следователей.

Поэтому далеко не случайно в криминалистической литературе утверждалось, что «Научная разработка специальных приемов по раскрытию преступлений и изобличению преступников... возможна только путем глубокого изучения многообразной следственной и судебной практики. Только всестороннее изучение этой практики подскажет криминалистам, какие действенные приемы необходимо разработать в борьбе с преступностью» [9. С. 11].

Как следует из контекста трудов первых криминалистов, задача сводилась к выработыванию знаний, базирующихся на осведомленности как что-либо сделать, осуществить в данных обстоятельствах, в формировании некоторого минимума элементарных умений и навыков.

И.Н. Якимов, столкнувшись с абсолютной неподготовленностью следователей к следственной работе, в 1925 г. писал, что его работа «имеет своей целью дать в научной и систематической обработке по возможности полное изложение научных приемов и способов, необходимых и полезных при расследовании преступлений, проверенных долгим опытом, простых по существу, применяемых при всяких условиях расследования преступлений, не требующих технических приспособлений и особых навыков, а потому и доступных не специалисту» [10. С. 24–25].

Аналогичным образом понимал уровень требований к научно-криминалистическим знаниям и В.И. Громов. Он полагал необходимым разработать такие «методы работы по расследованию преступлений, которые доступны «каждому среднему работнику без отношения к его личным и индивидуальным качествам и способностям» [1. С. 6].

Собравывая свои взгляды с необходимостью адекватного соотношения научно-методических рекомендаций по расследованию преступлений с интеллектуальными возможностями следователя, он изложил требования, которым должны были соответствовать научно-криминалистические знания в криминалистической методике. Это по терминологии В.И. Громова должны быть «элементарные сведения», «элементарная методическая инструкция», содержащая некоторую совокупность «правильных», «рациональных», «простых», «упрощенных», «облегченных», «технически не сложных», «экономически обоснованных» правил, приспособленных для «расследовательских действий в отдельных случаях».

Открыто выраженное намерение выработать научные знания на элементарном, доступном для всякого лица уровне было реакцией криминалистов на существующую в практике расследования ситуацию с кадровым составом следователей.

На банальных сравнениях следователю разъяснялось, в чем состоит отличие средств криминалистической техники от бытовой. В учебнике 1938 г. доходчиво объяснялось, что «в практике следственной работы применяется много различных технических приемов и средств, однако далеко не все они являются криминалистическими».

Следователь, например, для вызова свидетелей может пользоваться телефоном, однако телефон от этого

еще не становится средством криминалистики. Телефонный аппарат только при том условии может считаться средством криминалистики, если он специально приспособлен, например, для автоматической записи разговоров преступников (как это практикуется в некоторых странах), причем это сделано на основе изучения повадок преступников, их приемов конспирации и пр.» [11. С. 4].

Такой обыденно-бытовой стиль подачи материала, употребленная терминология были понятны всякому «расследующему работнику» среднего ума, специалиста. Для того чтобы научно-криминалистические знания были адекватны интеллектуальным возможностям следователя криминалисту, необходимо было предельно упростить научно-криминалистические знания, изложить следственный опыт, текущую практику на уровне здравого смысла, само собой разумеющейся ясности и простоты.

Как следует из анализа литературы, конструирование научно-криминалистического знания осуществлялось по неполной индукции, через простое перечисление наиболее значимых, с точки зрения того или иного автора, объективных свойств объектов, сопровождающихся устремленностью к адекватному воспроизведению практической стороны следственной деятельности. В мире практического сознания, текущей повседневности индуктивность более всего осуществима и применима в опыте. Форма вывода, называемая индукцией, осуществляемая через простое перечисление, значима для подтверждения научных обобщений, она служит средством, повышающим вероятность обобщений. Но индукция часто ведет не только к истине, но и к заблуждению, поскольку формальная индукция определяет лишь внешнюю форму знания. Как заметил Иммануил Кант, «логика, которая, как всеобщая пропедевтика всякого применения рассудка и разума вообще, не может проникать в науки и предвосхищать их материю, есть лишь искусство разума придавать познанию вообще форму, соответствующую рассудку, и, следовательно, лишь в этом смысле она может быть названа органом, который служит, конечно, не для расширения, а для оценки и исправления нашего знания» [12. С. 429].

Предпочтительность индуктивного метода, как единственно научного, стимулировалась естественнонаучным знанием. Индуктивный метод вырабатывания научного знания не выводил мысль далее фрагментарно-описательного видения познаваемой реальности. Понимание ограниченности такого способа получения научно-криминалистического знания нарастало. В 1940–1950-е гг. констатировалось, в частности А.И. Винбергом, одностороннее развитие криминалистики, увлеченность частной проблематикой [13. С. 103].

Положение дел продолжало оставаться аналогичным и во второй половине 1960-х гг. Так, в двух разных статьях, опубликованных в журнале «Социалистическая законность», безымянные авторы в остром, критическом тоне отмечали, что «серьезный ущерб делу наносит недостаточный уровень научных исследований в области криминалистики» [14. С. 10]. В другой статье подчеркивается, что «некоторые научные работники видят свою задачу в составлении комментариев и практических пособий для практиков, в выработке реко-

мендаций по отдельным, частным вопросам юридической практики. Между тем коммунистическое строительство нуждается прежде всего в глубоких теоретических исследованиях, способных направлять практику» [15. С. 67].

Вырабатывание криминалистами знаний лишь о том, как следователь должен осуществить ту или иную манипуляцию с объектом, конечно, не могло направлять практику, наоборот, практика направляла науку. Наука двигалась вслед за практикой и комментировала ее промахи и находки, возвращая некоторые результаты обобщения в виде наставлений о действиях следователя.

Однако наряду с такого рода пониманием способа получения научно-криминалистического знания, формирования профессионализма, отрицательно сказывающемся на качестве расследования преступлений крепло понимание необходимости поправки ситуации.

В литературе отмечалось, что для того, чтобы изменить практику расследования, «необходимо более организованно построить расследование. Необходимо, чтобы следователь знал тактику допроса свидетелей и не вызывал дважды свидетеля, которого достаточно вызвать один раз. Необходимо, чтобы работник расследования, производящий осмотр места преступления, умел обнаружить все оставшиеся там следы... криминалистика должна вооружить работников следственных и розыскных органов новыми средствами безошибочной оперативной работы, построенной под углом зрения максимального обладания искусством следственной техники, помноженной на высокую политическую бдительность, культурность и внимание к интересам и нуждам живого трудящегося человека. Этой задаче должно быть подчинено и все содержание нашей криминалистики» [16. С. 6].

Именно эти задачи и пытались решать И.Н. Якимов и В.И. Громов.

Предложенная И.Н. Якимовым концепция *общего метода расследования* преступлений по косвенным доказательствам (уликам) служила предпосылкой решения не только практических, но и научно-познавательных задач. В этом методе соединились практико-прикладная и теоретико-познавательная проблематика. Метод расследования по косвенным уликам в концентрированном виде воплощал в себе эмпирическую многогранность в качестве единства. Выстроенная на его основе схема расследования была устремлена на развитие не только формального понимания расследования в целом и единства многообразного, но и на содержательную целостность. Критерием взаимосвязи многообразия и целостности служила у И.Н. Якимова практическая рациональность и целесообразность. Схема И.Н. Якимова есть интеграл всех возможных содержаний следственного опыта и обоснования его ценности в доступной для того времени и знания разумной основательности, позволявшей проводить некий аналог с естественными науками. Однако концепция И.Н. Якимова не была принята современниками.

Умозрительный характер схемы расследования не совпадал с существовавшим и доминировавшим в то время в криминалистике наглядно-чувственным отношением к расследованию, не соответствовал практическому, бытийному состоянию видения предметов

(«вещей») следователем. Как писали критики, умозрительность и идеализация предметной сферы, метафизический характер метода, его сходство с аналогичным «буржуазным методом» и послужили основанием для сомнений в научной состоятельности и практической надежности схемы. Для доминировавшего бытийно-описательного знания умозрительность есть лишь одна видимость, но не знание, которое существовало и обнаруживалось ими исключительно в чувственном опыте. Однако критики упускают из виду возможность конструирования интегративного, абстрактно-идеализированного, теоретического образа научного знания как возможного горизонта достижимого и познаваемого опыта.

В тривиальной обыденности текущей следственной практики усилилось понимание необходимости рационализации труда следователя, совершенствования практики расследования преступлений, ее оптимизации и повышения эффективности. В.И. Громов видел научно-познавательную задачу в том, чтобы искать и формулировать в опыте и практике такие универсальные правила и стандарты, опираясь на которые мог бы реально и рационально действовать следователь. Результатом обобщения следственного опыта и практики расследования стала предложенная В.И. Громовым *организационно-методическая концепция*, рационализирующая деятельность следователя по расследованию преступлений, организации отдельных следственных действий. И хотя сам он никогда ее так не называл, ее существо состоит именно в научно-методическом обеспечении процесса расследования, в оснащении следователя рекомендациями по организации расследования в целом и проведению отдельных следственных действий в их взаимосвязи. Для криминалистической методики это было не только началом перспективного научно-познавательного движения в сторону реального укрепления самостоятельного значения криминалистической методики, но и реакцией на ту проблемную ситуацию, которая сложилась уже в 1920-х гг. в уголовном судопроизводстве, в практике расследования.

Объективная необходимость организационно-методической концепции определялась, прежде всего, низким уровнем подготовки следственных кадров. Как отмечал В.И. Громов, «наряду с вопросами организационного и процессуального характера в последние годы ставился и продолжает ставиться вопрос и о подготовке и переподготовке персонала, обслуживающего органы расследования. Нужда в технически подготовленных работниках для работы в органах расследования преступлений ощущается не меньшая, чем в других областях строительства, например, в области промышленности и народного хозяйства. ...Нужны прежде всего люди, приводящие в движение этот аппарат и осуществляющие задачи, возложенные на него. Нужны квалифицированные работники, технически подготовленные, имеющие достаточные знания и опыт, чтобы с успехом вести работу по расследованию преступлений» [1. С. 3].

Организационно-методическая концепция, направленная на рационализацию труда следователя, шла в русле характерных для того времени представлений о рационализации труда как такового. Применительно к следственной деятельности рационализация труда сле-

дователя предусматривала в качестве актуальных научно-познавательных направлений повышение качества расследования и профессионализма следователя. Осмысливая данные направления, В.И. Громов, по сути дела, наметил объединительную парадигму. Выстроенная на идее единства научных знаний и следственного опыта, организационно-методическая концепция вывела криминалистическую методику в ближайшей и отдаленной перспективе на уровень научной организации следственной деятельности.

Научная организация расследования, как первичный познавательный шаг, служила оптимальной предпосылкой и условием обеспечивающей возможность существовать и сосуществовать в ареале данного социально-исторического времени. Адекватность организационно-методической концепции времени, основательность ее постановки, научно-познавательная значимость и перспективность предзадавалась еще и тем, что организация труда есть составная часть культуры вообще, составляющая рациональной человеческой деятельности.

Однако непонятую и непринятую современниками организационно-методическую концепцию В.И. Громова постигла та же научная судьба, что и общий метод расследования преступлений предложенный И.Н. Якимовым. Так, организация расследования преступлений как потенциально возможный предмет криминалистической методики, открывавшая перспективу теоретизации данного раздела, была вытеснена, а сама криминалистическая методика была по существу лишена самостоятельного значения, превратившись просто в некий канал реализации технических и тактических приемов.

Однако научно-познавательная и практическая актуальность поставленной В.И. Громовым проблемы научной организации расследования преступлений от этого не снизилась. У критиков В.И. Громова осталось понимание значимости идеи научной организации расследования, поскольку за этим стояла другая, еще более масштабная проблема – проблема профессионализации следственной деятельности. Но в научно-познавательном плане проблема «максимального овладения искусством следственной техники» решалась уже иначе. В противовес отвергнутым концепциям В.И. Громова и И.Н. Якимова альтернативным вариантом, направленным на повышение качества расследования преступлений и профессионализма следователя, стал переосмысление следственного опыта и практики расследования преступлений на уровне *примеров*, заимствуемых из материалов уголовных дел. На всех научных исследованиях лежала одна и та же печать – текущая практика в виде примеров, случаев, с помощью которых предпринимались усилия продемонстрировать следователю значимость науки, привить вкус к научному знанию, сформировать у него профессиональное мышление.

Так, при обсуждении в журнале «Социалистическая законность» одного из учебников по криминалистике в статье решительно осуждалось и на будущее настоятельно рекомендовалось, что «учебник должен не столько теоретически обосновывать то, что должен делать работник в том или ином случае, сколько показать на ярких примерах, как следует практически решать тот или иной вопрос» [17. С. 87].

Познание опыта и практики, формирование профессионального мышления следователя посредством примеров оправдано, в известной мере, уровнем подготовки следователей к следственной работе. Ориентируясь на потребности практики, криминалистами делалась ставка на целесообразно-практическую рассудочность практического сознания, что не лишено было оснований. Следователи, только что вышедшие из архаичной деревни, от станка вряд ли были подходящим слоем для восприятия действительно научной теории. Для продуктивного понимания и освоения научной теории практическому сознанию не хватало ни ментальных, ни интеллектуальных ресурсов. В этих условиях задать высокие научные стандарты было практически невозможно.

Вместе с тем «точка зрения жизни» подсказывала, что расследование преступлений, овладение «искусством следственной техники» должно было формировать у «расследующего работника» новую очевидность, новые приоритеты, новый тип субъекта и субъективности. Идейную основу такого рода понимания научности составила идея целесообразно-практического познания следственного опыта и практики. Это был вполне оправданный шаг. Как отмечается в современных философско-мировоззренческих исследованиях, «человеческое мышление (сознание) по источнику знания предстает в виде рассудка и разума (или иначе – чувственного и рационального познания). Рассудочные представления всегда конкретны и наглядны; оперирующий наглядными представлениями субъект, по сути, оперирует реальными объектами в силу их простого тождества по содержанию. Человек труда, имеющий дело с единичными объектами, отдает предпочтение наглядным представлениям: они говорят ему гораздо больше о мире, чем пустые абстракции; эмпирическое познание он ценит значительно выше, чем теоретическое» [18. С. 23].

Примеры как нельзя более убедительно демонстрировали связь криминалистической методикой с действительностью, с повседневной практикой расследования.

В складывавшейся социокультурной ситуации задача криминалистов состояла в том, чтобы практицизм

мом, подаваемым на уровне «элементарной инструкции», выдаваемой за научно-криминалистическое знание, прояснить и усилить здравый смысл и тем самым подготовить переход сознания от обыденно-житейского практицизма к формированию нового здравого смысла, опирающегося уже на эмпирическое, научное знание. Преодолеть тривиальное понимание следственной деятельности как искусного ремесла было не просто уже в силу того, что за этим стоял интеллект, базирующийся исключительно на здравом смысле. Показать ограниченность здравого смысла можно было только на основе здравого смысла, на такой аргументационной основе, которая сама может быть выстроена на здраво-рассудочном уровне, даже если этот уровень граничит с упрощенчеством и популярничаньем. Оперативная откликаемость практицизма на вопросы текущих событий усиливали его конкуренто- и жизнеспособность. Практицизм и здраво-рассудочное мышление становятся ступенью восхождения к научному знанию, формирования профессионального мышления следователя. Криминалисты, балансируя на грани здраво-рассудочного практицизма и научной эмпирии, задействуя первый советский опыт расследования преступлений, надеялись поставить повседневную практику расследования на «строгую научную базу», выработать научно-криминалистические знания о расследовании преступлений.

Повышение качества расследования находится в прямой связи с профессионализмом следователя: каков профессионализм, таково и качество расследования. Однако примерами, даже самыми яркими, ни одна из поставленных перед криминалистами задач не могла быть решена. Объемность познания, постижимое и непостижимое, необходимое и случайное, возможное и действительное, существование и сосуществование – вопросы, которые вне теории невозможно осмыслить и вывести на уровень научно-обоснованного закономерного знания. Эмпирическое знание и базирующийся на его основе профессионализм при всех оговорках и допущениях ведут к односторонности формирования следственного мышления. Для науки одинаково важны и теория, и практика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громов Вл. Методика расследования преступлений. М., 1929.
2. Карницкий Д., Триус Ю. Вопросы уголовно-судебной и следственной практики. М., 1927.
3. Голунский С.А., Рогинский Г.К. Техника и методика расследования преступлений. М., 1934. Вып. 1.
4. Революция права. 1928. № 2.
5. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Неизвестная Фемида. Документы, события, люди. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
6. Александров Г. Улучшить работу с кадрами следователей // Социалистическая законность. 1951. № 8.
7. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. М.: БЕК, 1996.
8. Кудрявцев В.Н. Июньский Пленум ЦК КПСС и некоторые вопросы научной организации борьбы с преступностью // Советское государство и право. 1963. № 9.
9. Криминалистика. М., 1950. Ч. 1.
10. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925.
11. Криминалистика. М., 1938.
12. Кант И. Трактаты. СПб.: Наука, 1996.
13. Винберг А.И. Значение советской криминалистики в работе следователя // Советская криминалистика на службе следствия. М., 1951. Вып. 1.
14. Всемерно улучшать следственную работу, совершенствовать прокурорский надзор за следствием и дознанием // Социалистическая законность. 1966. № 4.
15. Межреспубликанская конференция по проблемам правовой науки // Социалистическая законность. 1966. № 4.
16. Криминалистика. М., 1938.
17. Социалистическая законность. 1952. № 2.
18. Философия как учение о человеке: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. проф. Ю.В. Петрова. Томск. Изд-во Том. ун-та, 1994.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 января 2011 г.